

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Кафедра социальной философии

С.А. Либерман

МАССОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МАССОВОГО
ОБЩЕСТВА:
учебно-методическое пособие

Казань – 2021

УДК 130.2

ББК 87.6

Л 55

Рекомендовано к печати кафедрой социальной философии КФУ

Протокол №10 от 28 мая 2021 года

Автор: Либерман С. А., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии

Рецензент: доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии КФУ Н.А. Терещенко

Л 55 Либерман С. А. Массовое образование как элемент массового общества: учебно- методическое пособие / Либерман С. А. – Казань: Казан. фед. ун-т, 2021. –18 с.

В пособии рассматривается два основных этапа становления современного института школы. Первый этап, часто именуемый «народным образованием», относится к зарождению бесплатной государственной школы и характерен для конца XIX- первой половины XX. Второй именуется «массовое образование» и характерен для второй половины XX. Также даны задания по теме в формате тестов и эссе. Предназначено для студентов, обучающихся по направлению 47.03.01 – Философия.

© Либерман С. А., 2021

Содержание

Когда появляются первые школы?	4
Школа второй половины XX.....	6
Основные выводы.....	8
Тест.....	9
Задания к текстам.	10

Когда появляются первые школы?

На рубеже XIX-XX веков появляется институт школы в том виде, что мы знаем его теперь. Его появление связано со стремлением создать гражданина «новых» национальных (советских) государств. Образование обеспечивается напрямую государством, независимо от традиционных институтов церкви, семьи или общины. С другой стороны, необходимость школ обусловлена урбанизацией и необходимостью в квалифицированном труде.

- Англия - Закон о начальном образовании 1880 года
- Германия - Закон о школьном надзоре 1872
- Франция - Законы Ферри 1881
- СССР - Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви 1918

Антиклерикализм «народного» образования

Изначально, школы относились к ведомству религиозных институций. Там обучали латыни, святому писанию, философии и другим малопригодным для молодых граждан и рабочих вещам. Одной из главных характеристик «народного» образования стал антиклерикализм.

- Франция — Жюль Ферри фактически изгнал учителей-монахов, отнял у духовенства право давать ученые степени, "закон божий" стал необязательным предметом. Враги Ферри дали кличку его политике «изгнания Бога из школы»
- Германия — Отто Бисмарк уволил всех религиозных учителей из школ, распустил орден иезуитов, вывел из под контроля Церкви бракосочетания и школы. Его политика получила название "Культуркампф"
- СССР — репрессии против религиозных деятелей, ликвидация правового статуса РПЦ, активная атеистическая пропаганда.

Национализм «народного» образования

Еще одной чертой стал национализм. Национальные языки, литература, рынок, право

— все это распространялось в том числе и через школы. Одна из главных функций школы – воспитание гражданина национального государства.

- Национальное государство (государство-нация) — конституционно-правовой тип государства, означающий, что оно (государство) является формой самоопределения и организации той или иной нации на определённой суверенной территории и выражает волю этой нации (вики).
- “Это наш долг, воспитать молодых людей так, чтобы они стали молодыми немцами а не молодыми греками или римлянами” - император Вильгельм II на школьном съезде 1890.

Фактор экономики

Наука как «всеобщая общественная производительная сила» (Маркс) - появление технологии и техники как части производства, “наукоемкого производства” требует двух вещей:

- Техническая грамотность, квалификация работников становится фактором экономического развития общества
- Квалификация научных кадров также напрямую влияет на экономическое развитие (“Университетская фабрика” Хайдеггера)

Необходимость в квалифицированном труде – еще одна причина появления школ в конце XIX века.

Основные функции “народного образования”

Таким образом школа выполняет две функции – воспитание гражданина и обучение рабочего.

- Идеологическая: воспитание гражданина — носителя “национальной идентичности”, который мог бы быть источником легитимности нового светского национального (советского) государства
- Экономическая: обучение работника наукоемкого производства — грамота, счет, техника безопасности и т.п.

Школа второй половины XX

После второй мировой войны принято выделять новый виток в развитии школ.

- Демократизация школ (отказ от ограничений по полу, возрасту, происхождению, социальному положению)
- Увеличение срока обучения (сначала до 7-8 лет и потом до 11-12)
- Дифференциация образования, единая система (начальное-среднее-высшее)

Отчасти это вызвано увеличением рождаемости и продолжительности жизни. Кроме этого можно выделить еще несколько изменений.

Непрерывность образования

- Темпы экономического развития начинают опережать смену поколений, вынуждая работника постоянно повышать или даже менять свою квалификацию
- Система образования перепрофилируется с обучения конкретным техническим (быстро устаревающим) навыкам на обучение обще-образовательным навыкам, необходимым для само-обучения и непрерывного образования.

Перепроизводство рабочей силы

- Превышение способностей производства способности к потреблению привели и к пресыщению рынка труда и безработице. Положение усугублялось возросшей продолжительностью жизни и количеством населения.
- Одна из главных функций современной системы образования — удержание населения от активного участия на рынке труда

Массовое общество. Симуляция

- Массовое общество характеризуется исчезновением внутренних социальных различий (сословий, классов, групп и т.д.)
- Социальные формы и ритуалы превращаются в симулятивные практики,

призванные скрыть травмирующую бессмысленность происходящего

- Институт образования задает рамки, цели и смыслы человеческой жизни, отдаляя абсурдность и необходимость принимать самостоятельные решения как можно дальше в будущее

Основные выводы

- Школа — это изначально дисциплинарный институт, “фабрика”, производящая граждан национального (советского) государства и квалифицированных работников
- Ускорение НТП смещает акцент обучения после второй половины XX на навыки самообразования и самообучения
- Перепроизводство и массовизация превращают институт образования в симулятивный инкубатор, призванный контролировать приток рабочей силы на рынок труда с одной стороны и формировать симулятивные цели и смыслы

Тест

1. Когда в Европе появляются первые законы об обязательном государственном образовании?

- a. во второй половине XVIII века
- b. во второй половине XIX века
- c. В первой половине XIX века
- d. Обязательное государственно образование появляется только в СССР
- e. В первой половине XX века

2. Верно ли что в Германии меры по обеспечению населения обязательным государственным образованием НЕ носили антиклерикальный характер?

Верно

Неверно

3. Верно ли что, СССР предпринимал репрессии против представителей духовенства?

Верно

Неверно

4. Верно ли, что для национальных государств рубежа XIX-XX в целом характерна антиклерикальная политика?

Верно

Неверно

5. Верно ли, что образование оказывает влияние на развитие экономики?

Верно

Неверно

Задания к текстам.

Основные критерии оценивания:

самостоятельность работы: 0 баллов — в работе обнаружены заимствования; 1 балл — в работе не обнаружены заимствования

сформулированная позиция, тезис: 0 баллов — в работе отсутствуют позиция автора; 1 балл — позиция автора сформулирована недостаточно четко и не раскрыта; 2 балла — позиция автора четко и ясно сформулирована

аргументированность позиции: 0 баллов — в работе отсутствует аргументация авторского тезиса; 1 балл — аргументы автора недостаточно четко сформулированы или раскрыты; 2 балла — аргументы автора ясно и четко изложены

Если по одному из критериев вы получаете 0 баллов, то по следующему за ним критерию(ям) выставляется также 0 баллов. Например, если по первому критерию вы получили 0, то по второму и третьему вы автоматически получаете 0, и ваша работа в целом оценивается на 0. Если по первому критерию вы получили 1 балл а по второму 0, то по третьему критерию вы автоматически получаете 0, и ваша работа в целом оценена на 1 балл.

Формат оценивания: 0-5 баллов

Мишель Фуко. Надзирать и наказывать.

Напишите эссе, ответив на вопросы о а) месте дисциплинарной власти в современном школьном образовании; б) своем отношении к ней; в) возможности/необходимости избежать/использовать подобные методы в работе

Экзамен вводит целый механизм, связывающий определенный тип формирования знания с определенной формой отправления власти.

1. Экзамен преобразует экономию видимости в отправление власти. Традиционно власть есть то, что видимо, что показывается, проявляется; и, что парадоксально, она черпает свою силу в том самом движении, посредством которого проявляет эту силу. Те, на кого она воздействует, могут оставаться в тени: они получают свет лишь от той части власти, что им выделяется, или от скользнувшего по ним отблеска власти. Дисциплинарная власть, с другой стороны, отправляется в силу ее невидимости; в то же время она навязывает тем, кого подчиняет, принцип принудительной видимости. В дисциплине именно субъекты должны быть видимыми. Их видимость удостоверяет накинутую на них узду власти. Именно факт постоянной видимости, возможности быть увиденным удерживает дисциплинированного индивида в подчинении. А экзамен есть метод, с помощью которого власть, вместо того чтобы производить знаки своей мощи, вместо того чтобы помечать подданных своим клеймом, втягивает их в механизм объективации. В этом пространстве господства дисциплинарная власть по существу проявляет свою мощь, главным образом посредством упорядочения объектов. Экзамен - своеобразная церемония объективации.

...Почти невыносимая видимость монарха превращается в неизбежную видимость подданных. И именно это обращение видимости в практическое действие дисциплин должно обеспечивать отправление власти даже в ее самых глубинных проявлениях. Мы входим в век бесконечного экзамена и принудительной объективации.

2. Экзамен вводит индивидуальность в документальное поле. Экзамен оставляет после себя детальный архив, повествующий о телах и днях. Располагая индивидов в поле надзора, он охватывает их также сетью записей; он помещает их в толщу улавливающих и фиксирующих документов. Экзаменационные процедуры непременно сопровождались системой интенсивной записи и накопления документов. «Власть записи» сформировалась как существенно важная деталь механизмов дисциплины. Во многом она повторяет традиционные методы административной документации, хотя и использует особые техники и важные нововведения. Некоторые из них касаются методов идентификации и описания. Проблема идентификации и описания встает в армии, где требуется разыскивать дезертиров, избегать повторного рекрутирования одних и тех же людей, корректировать фиктивные сводки, представленные офицерами, знать служебные обязанности и ценность каждого, устанавливать точный баланс без вести пропавших и убитых. Эта проблема решается в больницах, где требуется

устанавливать личность больных, изгонять симулянтов, проследить эволюцию болезней, проверять эффективность лечения, вести учет аналогичных случаев и фиксировать начало эпидемий. Эта проблема встает в учебных заведениях, где определяют знания каждого индивида, его уровень и способности, применение, какое он может получить по окончании учебы: «Реестр, с которым можно справиться когда нужно и где нужно, позволяет узнать нравы детей, их успехи с точки зрения благочестия, в катехизисе, письме и чтении за время обучения в школе, их дух и мысли с момента поступления в школу». Отсюда — возникновение целого ряда кодов дисциплинарной индивидуальности, позволяющих записывать посредством приведения к однородной форме индивидуальные черты, выявленные в ходе экзамена: физический код примет, медицинский код симптомов, школьный или военный код поведения и успехов. Эти коды были еще очень несовершенны с точки зрения качества и количества, но они знаменовали первую стадию «формализации» индивидуального в рамках отношений власти.

... Благодаря аппарату записи экзамен открывает две взаимосвязанные возможности: образование индивида как объекта описания и анализа, но осуществляемое не для того чтобы свести его к «видовым» чертам (как это делают натуралисты по отношению к живым существам), а для того чтобы утвердить его в его индивидуальных чертах, в его конкретной эволюции, в его собственных способностях в рамках постоянного корпуса знания; и построение сравнительной системы, позволяющей измерять общие явления, описывать группы и коллективные факты, исчислять различия между индивидами, распределять их в данном «населении».

Эти маленькие техники записи, регистрации, организации полей сравнения, разнесения фактов по столбцам и таблицам, столь привычные нам сегодня, имели решающее значение в эпистемологическом «раскрытии» наук об индивиде. Безусловно, справедливо было бы поставить аристотелевский вопрос: возможна ли и законна ли наука об индивиде? Вероятно, великая проблема требует и великого решения. Но есть маленькая историческая проблема — проблема возникновения в конце XVIII века того, что, вообще говоря, можно было бы назвать «клиническими» науками; проблема введения индивида (уже не вида) в поле познания; проблема введения индивидуального описания, перекрестного опроса, анамнеза, «дела» в общий оборот научного дискурса. Несомненно, за этим простым фактическим вопросом должен последовать ответ, лишенный величия: надо присмотреться к процедурам записи и регистрации, к

механизмам экзамена, формированию дисциплинарных механизмов и нового типа власти над телами. Является ли это рождением наук о человеке? Вероятно, его надо искать в этих малоизвестных архивах, где берет начало современная игра принуждения тел, жестов, поведения.

3. Экзамен со всеми его техниками документации превращает каждого индивида в конкретный «случай». Случай представляет собой одновременно и объект для отрасли знания, и объект для ветви власти. Отныне случай (в отличие от случая в казуистике или юриспруденции) не есть совокупность обстоятельств, определяющая действие и способная видоизменить применение правила; случай есть индивид, поскольку его можно описать, оценить, измерить, сравнить с другими в самой его индивидуальности; но также индивид, которого требуется муштровывать или исправлять, классифицировать, приводить к норме, исключать и т. д.

...Превращение реальных жизней в запись более не является процедурой создания героев; оно оказывается процедурой объективации и подчинения. Тщательно прослеживаемая жизнь умственно больных или преступников относится как прежде летопись жизни королей или похождения знаменитых бандитов - к определенной политической функции записи; но совсем в другой технике власти.

Экзамен как установление — одновременно ритуальное и «научное» — индивидуальных различий, как прищипливание каждого индивида в его собственной особенности (в противоположность церемонии, где статус, происхождение, привилегии и должность манифестируются со всей зрелищностью подобающих им знаков отличия) ясно свидетельствует о возникновении новой модальности власти, при которой каждый индивид получает в качестве своего статуса собственную индивидуальность и при которой благодаря своему статусу он связывается с качествами, размерами, отклонениями, «знаками», которые характеризуют его и делают «случаем».

Наконец, экзамен находится в центре процедур, образующих индивида как проявление и объект власти, как проявление и объект знания. Именно экзамен, комбинируя иерархический надзор и нормализующее наказание, обеспечивает важнейшие дисциплинарные функции распределения и классификации, максимальное выжимание сил и экономию времени, непрерывное генетическое накопление, оптимальную комбинацию способностей, а тем самым - формирование клеточной, органической,

генетической и комбинированной индивидуальности. Благодаря экзамену «ритуализируются» те дисциплины, которые можно охарактеризовать одним словом: они суть модальность власти, учитывающей индивидуальные отличия.

... Часто говорят, что модель общества, составными элементами которого являются индивиды, заимствована из абстрактных юридических форм договора и обмена. С этой точки зрения товарное общество представляется как договорное объединение отдельных юридических субъектов. Возможно, это так. Во всяком случае, политическая теория XVII-XVIII столетий, видимо, часто следует этой схеме. Но не надо забывать, что в ту же эпоху существовала техника конституирования индивидов как коррелятов власти и знания. Несомненно, индивид есть вымышленный атом «идеологического» представления об обществе; но он есть также реальность, созданная специфической технологией власти, которую я назвал «дисциплиной». Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, «исключает», «подавляет», «цензурует», «извлекает», «маскирует», «скрывает». На самом деле, власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции.

Жан Бодрийяр. Симулякры и симуляция.

Сравните текст Фуко из предыдущего задания и текст Бодрийяра. Составьте таблицу или напишите эссе сравнив их позиции и выявив основные противоречия между ними.

Все еще к этой идеологии пережитого, эксгумации, реального в его базовой банальности, в его радикальной аутентичности, относится американский опыт ТВ-правды, проведенный в 1971 над семьей Лоудов: семь месяцев непрерывных съемок, триста часов непосредственной съемки, бес сценария и поправок, одиссея одной семьи, ее драмы, радости, перипетии, нонстоп – короче говоря, исторический документ «брют», и «самый красивый подвиг телевидения, сравнимый, с высоты нашей повседневности, с фильмом о высадке на Луну». Все усложняется тем, что семья распалась во время съемок: разразился скандал, Лоуды расстались и т.д. Отсюда неразрешимый вопрос:

ответственно ли за это ТВ? Что бы было, если бы ТВ в этом не участвовало?

Более интересна фантазия снимать Лоудов так, как будто ТВ там нет. Триумф режиссера состоял во фразе: «Они жили так, словно нас там и не было». Абсурдная, парадоксальная формулировка – ни истинная, ни ложная, утопичная. «Словно нас там и не было» равнозначно «словно вы там были». И именно эта утопия, этот парадокс ослепил двадцать миллионов телезрителей, намного сильнее, чем «извращенное» желание нарушить интимность. Речь не идет ни о тайне, ни об извращении в опыте «правда», но о некоем роде содрогания реального, или об эстетике гиперреального, содрогании головокружительной точности с трюками, содрогании от дистанцирования и приближения одновременно, иерархическом искажении, чрезмерной прозрачности. Наслаждение избытком смысла, когда планка смысла опускается ниже обычной ватерлинии смысла: незначающее преувеличивается посредством близкой съемки. Становится видно, что реального никогда не было (но «словно вы там были»), без той дистанции, которая составляет пространство перспективы и наше объемное видение (но более «настоящее, чем природное»). Наслаждение микроскопической симуляцией, которая заставляет реальное переходить в гиперреальное. (Это немного как в порнографии, ослепление от которой скорее метафизично, чем сексуально).

Эта семья, впрочем, была гиперреальна уже с самого ее выбора: типичная идеальная американская семья, калифорнийский дом, три гаража, пятеро детей, социальный и профессиональный статус выше среднего, примерная домохозяйка, *standing uppermiddle*⁴⁷. Именно это статистическое совершенство в каком-то смысле, обрекает ее на смерть. Идеальная героиня американского *way of life*, как в античных жертвоприношениях, она выбрана, чтобы быть превознесенной и умереть под огни медиума, современного фатума. Так как небесный огонь не снисходит больше на развращенные города, то теперь объектив разрезает как лазер прожитую реальность, чтобы предать ее смерти. «Лоуды: просто семья, которая согласилась отдать себя телевидению, и умереть от него», – скажет позже режиссер. Речь идет, таким образом, о жертвенном процессе, о жертвенном спектакле, подаренном двадцати миллионам американцев. Литургическая драма массового общества.

ТВ-правда. Замечательный термин в своей двусмысленности, идет ли речь о правде этой семьи или о правде ТВ? В действительности, ТВ, как правда Лоудов, именно оно является настоящим, именно оно делает правдивым. Правда [ТВ], которая больше не является отражающей, зеркальной, ни перспективной, относящейся к системе паноптики и взгляда, но манипулирующая [правда], правда теста, который опрашивает и задает вопросы, [правда] лазера, осязающего и разрезающего, [правда] матриц,

хранящих ваши продырявленные кадры, правда генетического кода, задающего ваши комбинации, клеток, которые информируют вашу чувственную вселенную. Именно такой правде подверглась семья Лоудов посредством медиума ТВ, и в этом смысле речь идет о предании смерти (но идет ли речь о правде?).

Конец паноптической системы. Глаз ТВ больше не является источником абсолютного взгляда, а идеал контроля больше не идеал прозрачности. Последний еще предполагает объективное пространство (пространство Ренессанса), и всемогущество деспотического взгляда. Это, если еще не система заключения, то, по крайней мере, система расположения в шахматном порядке. Более тонкая, но все еще снаружи, играющая на противопоставлении видеть и быть увиденным, даже если фокусная точка паноптического может быть слепой.

Нечто иное с Лоудами, «Вы не смотрите больше ТВ, это ТВ смотрит вас (как вы живете)», или еще: «Вы не слушаете больше Без Паники, это Без Паники слушает вас» – поворот паноптического устройства наблюдения (Надзирать и наказывать) к системе устрашения, где различие пассивного и активного уничтожено. Больше нет императива подчинения модели, или взгляду. «Вы есть модель!» «Это Вы – большинство!» Таков аспект гиперреалистичной социальности, когда реальное смешивается с моделью, как в статистической операции, или с медиумом, как в операции Лоуды. Такова последующая, наша стадия общественных отношений, это больше не стадия убежденности (классическая эра пропаганды, идеологии, рекламы и т.д.), это стадия разубеждения: «Вы есть информация, вы есть социальное, это вы являетесь событием, это вас касается, у вас есть слово, и т.д.». Возврат, из-за которого становится невозможно локализовать инстанцию модели, власти, взгляда, самого медиума, потому что вы всегда уже по другую сторону. Больше никакого субъекта, никакой фокусной точки, ни центра, ни периферии: чистый изгиб или круговое отклонение. Больше ни жестокости, ни надзора: только «информация», тайная вирулентность, цепочечная реакция, медленная имплозия и симулякры пространств, в которых еще играет эффект реального.

Мы являемся свидетелями кончины перспективного и паноптического пространства (еще моральная гипотеза и солидарная со всеми классическими анализами «объективной» сущности власти), и, таким образом, самого уничтожения зрелищного. Телевидение, например, в случае с Лоудами, больше не зрелищный медиум. Мы больше не в обществе спектакля, о котором говорили ситуационисты, ни тем более в жанре

специфичного отчуждения и репрессии, которые оно предполагало. Сам медиум больше не ощутим как таковой, и смешение медиума и сообщения (Мак-Люэн) 50 – это первая великая формула этой новой эры. Нет больше медиума в буквальном смысле: отныне он неощутим, рассеян и преломлен в реальном, и невозможно даже больше сказать, что он всем этим искажен.

Таково вмешательство, таково вирусное, эпидемическое, хроническое, паническое присутствие медиума, такое, что невозможно отчетливо выделить его воздействия – спектрализованное, таковы эти рекламные скульптуры под прицелом лазера в пустом пространстве, события, отфильтрованного медиумом – растворение ТВ в жизни, растворение жизни в ТВ – неразличимый химический раствор: мы все Лоуды, обреченные не на вторжение, давление, жестокость и шантаж медиа и моделей, а на их индукцию, проникновение, на их нечитаемую жестокость.

Но необходимо быть осторожным с негативным оборотом, который навязывает дискурс: речь не идет ни о недуге, ни о вирусном заболевании. Нужно скорее предполагать, что медиа, на внешней орбите, это вид генетического кода, который задает превращение реального в гиперреальное, в точности так же как и другой код, микромолекулярный, задает переход репрезентативной сферы смысла в генетическую сферу запрограммированного сигнала.

То, что ставится под вопрос, так это весь традиционный модус каузальности: перспективный, детерминистский модус, «активный», критический модус, аналитический модус – различение причины и следствия, активного и пассивного, субъекта и объекта, цели и средств. Именно об этом модусе можно сказать: ТВ нас смотрит, ТВ нас отчуждает, ТВ нами манипулирует, ТВ нас информирует... Во всем этом мы по-прежнему зависим от аналитической концепции медиа, концепции внешнего активного и эффективного фактора, концепции «перспективной» информации с горизонтом реального и смысла в качестве точки схода.

Однако необходимо понимать ТВ, подобно форме ДНК, как результат, при котором исчезают противоположные полюса детерминации, согласно сокращению, ядерному сжиманию старой полярной схемы, которая всегда поддерживала минимальную дистанцию между причиной и следствием, субъектом и объектом: точную смысловую дистанцию, отступ, различие, самый маленький возможный отступ (СМВО!), неустранимый под страхом ликвидации в алеаторном и неопределенном процессе, чей

дискурс не может больше отдавать отчет, так как он сам есть детерминированный порядок.

Именно этот отступ исчезает в процессе генетического кода, в котором неопределенность это не столько недетерминированность случайности молекул, а скорее неопределенность чистого и простого уничтожения отношения. В процессе молекулярной заданности, «идушей» от цикла ДНК к «субстанции», которую он «информирует», не происходит больше движения какой-либо реакции, энергии, детерминации, сообщения. «Приказ, сигнал, импульс, сообщение: все это старается сделать для нас вещь понятной, но по аналогии, снова транскрибируя в знаках надписи, вектора, раскодировки измерение, о котором мы ничего не знаем – это даже больше не «измерение», или, может быть, это как раз четвертое измерение (которое определяется, впрочем, в терминах эйнштейновской относительности, поглощением четких полюсов пространства и времени). В действительности, весь этот процесс может трактоваться нами только в негативной форме: более ничто не отделяет один полюс от другого, начальное от конечного, происходит что-то вроде раздавливания одного другим, фантастического столкновения, обрушения двух традиционных полюсов одного в другом: имплозия – поглощение сияющего модуса каузальности, дифференциального модуса детерминации, с присущими ему положительным и отрицательным электрическими зарядами – имплозия⁵¹ смысла. Именно здесь начинается симуляция.

Повсюду, в неважно какой области, политической, биологической, психологической, медиатической, где различие двух полюсов не может больше поддерживаться, мы входим в симуляцию, и таким образом, в абсолютную манипуляцию – не пассивность, но неразличимость активного и пассивного. ДНК реализует эту алеаторную редукцию на уровне живой субстанции. Телевидение, как в примере с Лоудами, также достигает неопределимый лимит, когда последние, находясь перед ТВ, являются уже не более и не менее активными или пассивными, чем живая субстанция по отношению к своему молекулярному коду. Здесь и там, одна единственная туманность, неразборчивая в своих простых элементах, неразборчивая в своей истине.